

С. А. Джанумов

*Московский городской педагогический университет
(Москва, Россия)*

А. С. ПУШКИН О М. В. ЛОМОНОСОВЕ (К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА)

Историкам русской литературы XVIII–XIX веков хорошо известно суждение Пушкина о Ломоносове из «Путешествия из Москвы в Петербург» (1833–1834): «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом» (Пушкин 1949: XI, 249). В том же цикле очерков одно перечисление Пушкиным трудов Ломоносова только за пять лет (с 1751 по 1756 год) в области химии, физики, истории, словесных наук занимает несколько страниц, что говорит не только о широте научных интересов ученого, но и о том, что, по мнению Пушкина, «Ломоносов сам не дорожил своею поэзией – и гораздо более заботился о своих физических опытах, нежели о должностных одах <...> etc.» (Пушкин 1949: XI, 226). Показательно, что в этом перечне словесные науки, куда Ломоносов включает написание од, героической поэмы «Петр Великий», «сочинение» Российской грамматики и пр., занимают довольно скромное место.

Но Пушкин всегда хотел беспристрастно и объективно разобраться в таком громадном явлении, как Ломоносов. В статье «О журнальной критике» (1830) Пушкин писал: «... Ломоносов, Державин, Фонвизин ожидают еще египетского суда (посмертного, справедливого. Намек на суд над умершими фараонами. – С. Д.). Высокопарные прозвища, безусловные похвалы, пошлые восклицания уже не могут удовлетворить людей здравомыслящих» (Пушкин 1949: XI, 89). А в черновой редакции той же статьи Пушкин высказывался еще более резко и даже не без некоторого раздражения: «Нам наскучило слышать высокопарные прозвища, приклеенные к именам Ломоносова, Державина, Фонвизина. – Мы требуем разбора дельного, а не *панегирических амплификаций* (т.е. ненужного подробного изложения чего-нибудь, нагромождения в речи излишних фраз. Курсив Пушкина. – С. Д.)» (Пушкин 1949: XI, 360). И такому «разбору дельному» Ломоносов и его деяния подвергнуты в статьях, заметках и письмах самого Пушкина.

Если подробно проанализировать и суммировать все многочисленные высказывания Пушкина о Ломоносове, то можно подметить, что Пушкин часто сравнивал «отца русской поэзии» (счастливо найденное и ставшее крылатым пушкинское выражение – запись из лицейского дневника от 17 декабря 1815 г. (Пушкин 1949: XII, 302)) как с его предшественниками, так и с современниками. И эти сравнения и сопоставления во многом помогают прояснить пушкинскую позицию по отношению к Ломоносову.

Как известно, уже в XVIII веке Ломоносов приобрёл у соотечественников титул «русского Пиндара» (потом этот эпитет прилагали и к Г. Р. Державину). Кажется, впервые сравнил Ломоносова с Пиндаром А. П. Сумароков в своей «Епистоле о стихотворстве» (1747): «Он наших стран Мальгерб (имеется в виду Франсуа Малерб – французский поэт XVI века, создатель апофеозных од. – С. Д.), он Пиндару подобен» (Русская поэзия XVIII века 1972: 173). В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825) Пушкин, приводя эту характеристику Ломоносова, отмечает, что «... Сумароков с большой точностью определил в одном полустихии истинное достоинство Ломоносова-поэта» (Пушкин 1949: XI, 33). Поэтому не случайно и Пушкин уподобляет «отца русской поэзии» древнегреческому поэту I века до н.э., который также разрабатывал в своём творчестве едва ли не все известные жанры торжественной хоровой лирики, и, прежде всего, жанр оды.

И хотя Пушкин иногда использовал в своём творчестве традиции одической поэзии, начиная с лицейской лирики, послелицейской оды «Вольность» (1817) и кончая «Медным всадником» (1833), всё же он скептически оценивал поэтические возможности этого жанра. В незаконченной рецензии «Возражение на статьи Кюхельбекера в “Мнемозине”» (1825–1826) Пушкин, рассматривая категорию восторга, замечал: «Но *плана* нет в оде и не может быть <...>. Какой план в Олимпийских одах Пиндара.? Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого (курсив Пушкина. – С. Д.)» (Пушкин 1949: XI, 42). А потому, по мнению Пушкина, «Гомер неизмеримо выше Пиндара – ода, не говоря уже об элегии, стоит на низших ступенях поэм... (курсив Пушкина. – С. Д.)» (Пушкин 1949: XI, 42). Поскольку же Ломоносов имел репутацию «русского Пиндара», Пушкин заодно отвергает и свободу одического слога Ломоносова: «Свобода? в слоге, в расположении – но какая же свобода в слоге Ломоносова

и какого плана требовать в торжественной оде?» (Пушкин 1949: XI, 41).

Вместе с тем в цикле очерков «Путешествие из Москвы в Петербург», опять-таки уподобляя Ломоносова Пиндару (но уже в положительном смысле), Пушкин защищал «отца русской поэзии» от нападок А. Н. Радищева: «В конце книги своей (имеется в виду «Путешествие из Петербурга в Москву». – С. Д.) Радищев поместил слово о Ломоносове. Оно написано слогом надутым и тяжёлым. Сочинитель имел тайное намерение нанести удар неприкосновенной славе «*Росского Пиндара*» (Пушкин 1949: XI, 248) – в пушкинском черновике статьи: «*нашего Пиндара*» (курсив Пушкина. – С. Д.) (Пушкин 1949: XI, 225). Правда, далее Пушкин в чём-то соглашается с Радищевым и, как и автор «Путешествия из Петербурга в Москву», не видит в Ломоносове вдохновенного поэта. После уподобления Ломоносова «первому нашему университету» (см. начало моей статьи) Пушкин замечает: «Но в сём университете профессор поэзии и элоквенции (красноречия. – С. Д.) ничто иное, как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше» (Пушкин 1949: XI, 249).

В незаконченной рецензии «< Об альманахе «Северная лира»>» (1827) Пушкин проводит параллель между, казалось бы, такими разными поэтами, как Франческо Петрарка (1304 – 1374) и Ломоносов. Поводом к написанию рецензии послужила статья поэта, переводчика, журналиста, издателя альманаха «Северная лира» С. Е. Раича «Петрарка и Ломоносов», которая привлекла особое внимание Пушкина. Другие рецензенты (поэт и критик П. А. Вяземский, литератор, знаток античной и немецкой литературы, член московского кружка «любомудров» Н. М. Рожалин) к самой идее сопоставления двух великих поэтов отнеслись в целом отрицательно. Так, Вяземский «основную мысль сего сравнения» признал «сомнительной» (Вяземский 1984: 225), а Рожалин был еще более категоричен: «Напрасно г. Р. старается доказать нам сходство между Ломоносовым и Петраркою <...>: мы видим одно различие» (Рожалин 1984: 232).

Пушкин же признает правомерность и необходимость самой попытки такого сравнительно-исторического исследования. Он прежде всего обращает внимание на черты сходства, а не различия между двумя деятелями культуры, оказавшими большое влияние на развитие отечественной литературы и просвещения:

«В самом деле сии два великие мужа имеют между собою сходство. Оба основали словесность своего отечества, оба думали основать свою славу важнейшими занятиями, но вопреки им самим более известны как народные стихотворцы. Отделенные друг от друга временем, обстоятельствами жизни, политическим положением отечества, они сходятся твердостью, неутомимостью духа, стремлением к просвещению, наконец, уважением, которое умели приобрести от своих соотечественников» (Пушкин 1949: XI, 48).

Хорошо зная биографию Ломоносова и будучи осведомлен о многих годах, проведенных им в Германии, Пушкин считал его учеником и даже в чём-то подражателем немецких поэтов, в частности, приверженца барокко, поэта первой четверти XVIII века Иоганна Кристиана Гюнтера (1695 – 1723), который в отличие от традиционных панегириков придал оде эпическую масштабность. В том же «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин, подчёркивая некоторую архаичность эстетических вкусов Ломоносова, замечает: «Оды его (Ломоносова. – С. Д.), писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты (ср. с «надутым слогом» А. Н. Радищева там же. – С. Д.)» (Пушкин 1949: XI, 225). В черновике статьи вместо «по образцу... немецких стихотворцев» читаем: «по образцу немца Гинтера (т.е. Гюнтера. – С. Д.)» (Пушкин 1949: XI, 459). Возможно, здесь Пушкин имеет в виду, что предметом заботы немецких одописцев была строгая последовательность в развитии мысли или логическая закономерность в присоединении друг другу отдельных частей оды, что, в сочетании с «надутым слогом», создавало впечатление поэтической тяжеловесности, какой-то выспренности, вычурности, несвободы. Воздействие И. К. Гюнтера на Ломоносова отмечается и в «Истории всемирной литературы»: «В России лирика Гюнтера привлекла внимание молодого М. В. Ломоносова, оказав известное влияние на его раннее, отмеченное чертами барокко творчество» (Тураев 1988: V, 199).

Так же отрицательно Пушкин оценивал влияние теоретика литературы, драматурга и критика раннего немецкого Просвещения Иоганна Кристофа Готшеда (1700 – 1766) на Ломоносова. Нормативная эстетика Готшеда была изложена им в трактате «Опыт критической поэтики для немцев» (1730), этом подробном и педантичном своде правил классицизма. В черновой редакции статьи «О ничтожестве литературы русской» (1833 –

1834) Пушкин с явным неодобрением писал о том, что «... сын Холмогорского рыбака скитался по германским университетам, вслушиваясь в уроки Готшеда» (Пушкин 1949: XI, 501). Считая эстетику Готшеда устаревшей, архаичной, Пушкин в самом начале статьи «< О народной драме и драме «Марфа Посадница»>» (1830) замечает: «Между тем как эстетика со времен Канта и Лессинга развита с такой ясностию и обширностию, мы всё еще остаемся при понятиях тяжел.<ого> педанта Готшеда; мы всё еще повторяем, что прекрасное есть подражание изящной природе и что главное достоинство искусства есть польза (курсив Пушкина. – С. Д.)» (Пушкин 1949: XI, 177).

Ещё раз о тяжеловесности, высокопарности как отличительных особенностях одического стиля Ломоносова Пушкин скажет ниже в том же «Путешествии из Москвы в Петербург»: «Его (Ломоносова. – С. Д.) влияние было вредное, и до сих пор отзывается в тощей нашей литературе. Изысканность, высокопарность, отвращение от простоты и точности – вот следы, оставленные Ломоносовым» (Пушкин 1949: XI, 226). В черновом варианте пушкинского «Путешествия» опять применительно к языку и стилю Ломоносова встречается ещё раз определение «надутый»: «Надутость, отвращение от простоты – следы, оставленные Ломоносовым в нашей народной поэзии» (Пушкин 1949: XI, 459). Правда, ранее, в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», для духовных од Ломоносова Пушкин делал исключение: «... преложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его (Ломоносова. – С. Д.) лучшие произведения» (Пушкин 1949: XI, 33).

Но, конечно, гораздо больше у Пушкина сопоставлений Ломоносова с русскими поэтами – литературными авторитетами XVIII века: с В. К. Третьяковым, А. П. Сумароковым, Г. Р. Державиным. Уже в одном из первых лицейских стихотворений, опубликованном в журнале «Вестник Европы» (1814. Ч. 76. № 13. С. 9–12), «К другу стихотворцу» (1814), имя Ломоносова как «певца бессмертного» стоит в одном ряду с именами некоторых перечисленных выше русских поэтов:

*Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов,
Певцы бессмертные, и честь, и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!*

(Пушкин 1999: I, 26).

А в написанном в следующем году стихотворении «Тень Фон – Визина» (1815), сохраняя уже ставшую для него привычной рифму «Ломоносов – россов», молодой поэт уже не сопоставляет, а противопоставляет «Пиндара Холмогора» и Державина:

*На Пинде славный Ломоносов
С досадой некогда узрел,
Что звучной лирой в сонме россов
Татарин бритый (Державин. – С. Д.) возгремел,
И гневом Пиндар Холмогора,
И тайной завистью горел.
Но Феб услышал глас укора,
Его покоить захотел*

(Пушкин 1999: I, 139).

И если в этом стихотворении Ломоносов в царстве мёртвых представлен завистником Державина, то уже через десять лет Пушкин в письме к А. А. Дельвигу от июня 1825 года из Михайловского вновь сравнивает двух крупнейших поэтов 18 столетия, но теперь это сравнение уже не в пользу Державина: «По твоём отъезде перечёл я Державина всего, и вот моё окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка – (вот почему он и ниже Ломоносова)» (Пушкин 1937: XIII, 181-182).

Но, оказывается, это суждение Пушкина о двух крупнейших русских поэтах вовсе не было «окончательным» и ещё подлежало пересмотру, по крайней мере, в его собственных глазах. В рецензии на «описательное стихотворение в четырёх частях» Ф. Н. Глинки «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (1830), опубликованной в «Литературной газете» (1830, № 10, в отделе «Библиография», без подписи), Пушкин вновь объединяет Ломоносова и Державина и приводит их слог как образец (хотя и с оговорками) высокой и настоящей поэзии: «...Слог его (Ф. Н. Глинки. – С. Д.) не напоминает ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина...» (Пушкин 1949: XI, 110).

Ещё один русский поэт и филолог, с которым Пушкин часто сравнивает Ломоносова, – В. К. Тредиаковский. Не случайно в конспективном наброске плана статьи «О ничтожестве литературы русской» (1833–1834), которая писалась почти одновременно с «Путешествием из Москвы в Петербург», перечисляя крупнейших поэтов XVIII века, Пушкин помещает Тредиаковского сразу же вслед за Кантемиром и Ломоносовым:

«Кант.<емир>
 Лом.<оносов>
 Тред.<ьяковский>

(Пушкин 1949: XI, 494).

В этом плане отношение Пушкина к Ломоносову и Тредиаковскому двойственное. С одной стороны, ведя начало русской словесности от Кантемира, Пушкин считает, что по сравнению с «сыном молдавского государя» (Пушкин 1949: XI, 269) Ломоносов и Тредиаковский творчески несостоятельны: «Влияние Кант.<емира> уничтожается Ломон.<осовым> – Тред.<ьяковского> – его бездарностью» (Пушкин 1949: XI, 495), с другой – он пишет о «почтенном борении Тредьяковск.<ого>» (по-видимому, с Императорской Академией наук): «Его донесение Академии трогательно чрезвычайно (имеется в виду дело об избииении Тредиаковского кабинет-министром А. П. Волынским. – С. Д.)» (Пушкин 1949: XVI, 62) и о том, что «в сие время Тредьяковский – один понимающий своё дело» (Пушкин 1949: XI, 495). Здесь же Пушкин не отрицает поэтических заслуг Ломоносова и особенно выделяет его ранние оды (возможно, оду «На взятие Хотина (1739)»: «Ломон.<осов>, пленённый гармонией рифма (ритма. – С. Д.), пишет в первой своей молодости оду, исполненную живости etc. – degoute (отвращённый (*франц.*). – С. Д.) славою Сумарокова» (Пушкин 1949: XI, 495).

Но в «Путешествии из Москвы в Петербург», сопоставляя Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского как филологов, Пушкин безоговорочно встаёт на сторону последнего: «Тредьяковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков» (Пушкин 1949: XI, 253). Здесь же Пушкин даёт довольно высокую оценку и поэтической практике Тредиаковского: «Любовь его (Тредиаковского. – С. Д.) к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывает необыкновенное чувство изящного. В «Тилимахиде» находится много хороших стихов и счастливых оборотов. Радищев написал о них целую статью... . Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков, верно, не стоят Тредьяковского...» (Пушкин 1949: XI, 253 – 254). А в письме к И. И. Лажечникову от 3 ноября 1835 года из Петербурга, высказывая своё мнение о его романе «Ледяной дом» (1835), Пушкин

счёл необходимым вступить за несправедливо гонимого и после смерти поэта и учёного. Указывая Лажечникову на отступления от исторической правды, в том числе в изображении Тредиаковского, Пушкин замечал: «За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей» (Пушкин 1949: XVI, 62).

В то же время Пушкин оправдывает и Ломоносова, даже когда тот ищет покровительства со стороны знатных вельмож и наполняет «...торжественные свои оды высокопарною хвалою» (Пушкин 1949: XI, 254), и объясняет эту похвалу поэта своим благодетелям сословной иерархией того времени: «Дело в том, что расстояние от одного сословия до другого в то время ещё существовало» (Там же). Больше того, Пушкин восхищается Ломоносовым как человеком и ставит его в пример современным «писакам», которые «громко проповедуют независимость» и в то же время готовы «на всякую приватную подлость»: «Ныне последний из писак... пишет безыменные пасквили на людей, перед которыми расстилается в их кабинете» (Пушкин 1949: XI, 255).

Не таков, по мнению Пушкина, «отец русской поэзии»: «Ломоносов, рождённый в низком сословии, не думал возвысить себя наглостью и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину, он мог быть им и равный). Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей» (Пушкин 1949: XI, 254). Гордое осознание Ломоносовым своего высокого достоинства как человека и учёного проявилось не однажды, и Пушкин приводит тому несколько примеров: «Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову (граф И. И. Шувалов – обер-камергер, президент Академии художеств, первый куратор Московского университета, покровитель Ломоносова. – С. Д.), *Предстателю Мус, высокому своему патрону*, который вздумал было над ним пошутить: «Я, Ваше Высокопревосходительство, не только у вельмож, но ниже у Господа моего Бога дураком быть не хочу». – В другой <раз>, заспоря с тем же вельможею, Ломоносов так его рассердил, что Шувалов закричал: «Я отставлю тебя от Академии!» – «Нет, – возразил гордо Ломоносов, – разве Академию от меня отставят». И не скрывая чувства гордости за Ломоносова, Пушкин восклицает: «Вот каков был этот униженный сочинитель похвальных од и придворных идиллий!» (Пушкин 1949: XI, 254).

Пушкина всегда волновал вопрос о положении писателя в обществе. И, как правило, он всегда ссылался в этом отношении на Ломоносова. В 1824 году (7 июня) из Одессы Пушкин пишет П. А. Вяземскому: «... меценатство вышло из моды. Никто из нас не захочет *великодушного покровительства просвещенного вельможи* (курсив Пушкина. – С. Д.), это обветшало вместе с Ломоносовым. Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима» (Пушкин 1937: XIII, 96). Примерно через год в письме к А. А. Бестужеву от конца мая – начала июня 1825 года уже из Михайловского Пушкин вновь вернется к этому болезненному для него вопросу: «... наша словесность <...> не носит на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы. <...> Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов (имеется в виду граф М.С. Воронцов, новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области. – С. Д.) не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или одою – а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин, - дьявольская разница!» (Пушкин 1937: XIII, 179).

Эта мысль о независимости собственного творчества от покровительства вельмож и меценатов перекликается со словами Чарского (которому, как известно, Пушкин придал некоторые автобиографические черты) в «Египетских ночах» (1835): «Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа, и если наши меценаты (чёрт их побери!) этого не знают, то тем хуже для них» (Пушкин 1948: VIII, 266).

Вместе с тем, гордясь своим шестисотлетним дворянством, Пушкин никогда не был спесив по отношению к более низким сословиям. И опять-таки в связи с личностью Ломоносова в статье «<Опровержение на критики>» (1830) Пушкин со всей убежденностью заявлял: «Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные – но неужто потомству их смешно было бы гордиться сими именами» (Пушкин 1949: XI, 162). А в письме к жене – Наталье Николаевне – от 8 июня 1834 года из Петербурга в Калугу Пушкин еще раз вспомнит гордые слова Ломоносова, сказанные им своему покровителю Шувалову: «Я, как Ломоносов, не хочу быть шутом ниже у Господа Бога» (Пушкин 1948: XV, 156).

Еще одна параллель в статьях и заметках Пушкина – Ломоносов и А. П. Сумароков. Русские писатели по-разному оценивали литературное творчество Сумарокова, и, в частности, его поэзию.

А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) называл Сумарокова «отменным стихотворцем» и видел в нем прямого наследника поэтической лиры Ломоносова: «... великий муж может родить великого мужа, - и се венец твой победоносный. О! Ломоносов, ты произвел Сумарокова» (Радищев 1992: 121). У молодого Пушкина было прямо противоположное мнение о Сумарокове как поэте и человеке. В стихотворном послании «К Жуковскому» (1816) (которое, правда, ни разу не было напечатано при жизни Пушкина) он называет Сумарокова «завистливым гордецом», поэтом «без силы, без огня» и заключает свой отзыв таким суровым приговором:

*Нет! В тихой Лете он потонет молчаливо,
Уж на челе его забвения печать,
Предбудущим векам что мог он передать?
Страшилась грация цинической свирели,
И персты грубые на лире костенели*

(Пушкин 1999: I, 183).

А несколькими строками выше в том же послании, сравнивая Сумарокова и Ломоносова, Пушкин с презрением писал о первом:

*Ему ли, карлику, тягаться с исполином?
Ему ль оспоривать тот лавровый венец,
В котором возблистал бессмертный наш певец,
Веселье россиян, полунощное диво?..**

И чтобы ни у кого не осталось сомнений, кого он имеет в виду под «исполином» и «полунощным дивом», Пушкин в подстрочной сноске помечает звездочкой: «* Ломоносов» (Пушкин 1999: I, 183).

Правда, через десять лет, как бы смягчая свой слишком суровый и не совсем справедливый приговор в юношеском послании «К Жуковскому», Пушкин в «Заметках на полях статьи П.А. Вяземского «О жизни и сочинениях В.А. Озерова» (1826) отметит в одном отношении и преимущество Сумарокова по сравнению с Ломоносовым: «NB: Сумароков прекрасно знал по-русски (лучше, нежели Ломоносов)» (Пушкин 1949: XII, 219). Через год в одной из заметок – «Материалы к «отрывкам из писем, мыслям и замечаниям»» (1827) – Пушкин разовьёт свою мысль: «Сумароков лучше знал русский язык, нежели Ломоносов, и его критики (в грамматическом отношении) основательны. Ломоносов не отвечал или отшучивался. Сумароков требовал уважения к стихотворству» (Пушкин 1949: XI, 59).

Действительно, Сумароков часто выступал против своего учителя в жанре оды, критиковал оды Ломоносова за их «надутость» (вот, возможно, откуда это полюбившееся Пушкину словечко! – С. Д.), чрезмерную, с его точки зрения, гиперболичность и метафоричность, погрешности со стороны языка и художественного вкуса.

Но если в «Заметках...» и «Материалах...» Пушкин отдавал предпочтение Сумарокову за его знание русского языка и признавал основательность, справедливость «его критики» Ломоносова, то последний – как человек и ученый – в глазах Пушкина стоял на недостижимой высоте. В «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин замечает: «Сумароков был шутом у всех тогдашних вельмож: у Шувалова, у Панина (по-видимому, имеется в виду граф Н. И. Панин. – С. Д.); его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками <...>. Ломоносов был иного покроя. С ним шутить было накладно. Он везде был тот же: дома, где все его трепетали; во дворце, где он дирил за уши пажей; в Академии, где, по свидетельству Шлецера (имеется в виду немецкий просветитель, историк, публицист Август Людвиг Шлецер (1735 – 1809). С 1750 по 1764 год Шлецер жил в России, изучая русские летописи. – С. Д.), не смели при нем пикнуть. <...>. Со всем тем Ломоносов был добродушен» (Пушкин 1949: XI, 253).

Наконец, по мнению Пушкина, в какой-то степени дает представление о личности Сумарокова его донос на Ломоносова, который, как считает Н. А. Тархова, Пушкин 18 марта 1830 (?) года увидел «... у И. И. Дмитриева среди его бумаг» и снял с него копию (*Летопись...: III, 167*). Копия с этого документа была прислана Пушкиным П. А. Вяземскому из Москвы с письмом (вторая половина марта 1830 года), которое сопровождалось просьбой: «посылаю тебе драгоценность: донос Сумарокова на Ломоносова. Подлинник за собственноручною подписью видел я у Ив. Ив. Дмитриева. Состряпай из этого статью и тисни в *Лит.<ратурную> Газ.<ету>*» (Пушкин 1941: XIV, 74). Вяземский выполнил пожелание Пушкина и в № 28 от 16 мая 1830 года напечатал в «Литературной газете» статью «О Сумарокове», где почти дословно воспроизвел часть «доношения» «в Государственную штатс-контору от бригадира Александра Сумарокова» на Ломоносова, где, в самом конце сего документа Сумароков заявлял: «А что он (Ломоносов. – С. Д.) не в полном разуме, в том я свидетельствую сочиненною им Риторикою и Грамматикою» (Вяземский 1984: 115). Комментируя заключительные слова Сумарокова в доносе, Вяземский в указанной статье отмечал: «Окончательная фраза в

доношении его штатс-конторе отличается язвительной колкостью и комизмом» (Вяземский 1984: 117).

Таким образом, несмотря на неоднозначное и с годами меняющееся отношение Пушкина к Ломоносову, авторитет «отца русской поэзии», великого отечественного ученого в глазах Пушкина был непоколебим и незыблем. Сравнивая Ломоносова как поэта и филолога с его современниками, Пушкин иногда отдавал предпочтение «отцу русской поэзии», иногда другим поэтам XVIII века. Но всегда Пушкин видел в Ломоносове больше учёного, чем поэта. Впервые это мнение было высказано Пушкиным в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825) и потом уже оставалось неизменным и устойчивым. Напомним известные слова Пушкина из этой статьи: «... если мы станем исследовать жизнь Ломоносова, то найдём, что науки точные были всегда главным и любимым его занятием, стихотворство же – иногда забавою, но чаще должностным упражнением. Мы напрасно искали бы в первом нашем лирике пламенных порывов чувства и воображения» (Пушкин 1949: XI, 33).

В данной статье нашими задачами были регистрация (по возможности полная) и анализ суждений Пушкина о Ломоносове с соответствующими комментариями. Проблема же усвоения Пушкиным поэтических традиций Ломоносова и – шире – литературного наследия XVIII века является предметом специальных исследований (Иезуитов 1991; Стенник 1995).

ЛИТЕРАТУРА

- Вяземский П. А. Северная лира на 1827 год / П. А. Вяземский // Северная лира на 1827 год. – Москва: Наука, 1984. – 416 с.
- Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика / П. А. Вяземский. – Москва: Искусство, 1984. – 458 с.
- Иезуитов А. Н. Пушкин и Ломоносов. (Из комментариев к «Евгению Онегину») / А. Н. Иезуитов // Пушкин. Исследования и материалы. Том XIV. – Ленинград: Наука, 1991. С. 214–219.
- Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. Составитель Н. А. Тархова. Т. III. – Москва: Изд-во СЛОВО / SLOVO, 1999. – 624 с.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. / А. С. Пушкин. – Т. VIII. – Москва: Изд-во АН СССР, 1948. – 495 с.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. / А. С. Пушкин. – Т. XI. – Москва: Изд-во АН СССР, 1949. – 538 с.

- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. / А. С. Пушкин. - Т. XII. - Москва: Изд-во АН СССР, 1949. - 576 с.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. / А. С. Пушкин. - Т. XIII. Москва: Изд-во АН СССР, 1937. - 652 с.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. / А. С. Пушкин. - Т. XIV. - Москва: Изд-во АН СССР, 1941. - 548 с.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. / А. С. Пушкин. - Т. XV. - Москва: Изд-во АН СССР, 1948. - 392 с.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. / А. С. Пушкин. - Т. XVI. - Москва: Изд-во АН СССР, 1949. - 504 с.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20-и т. / А. С. Пушкин. - Т. 1. - Санкт-Петербург: Наука, 1999. - 840 с.
- Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. / А. Н. Радищев. - Санкт-Петербург: Наука, 1992. - 672 с.
- Рожалин Н. М. Из статьи: Альманахи на 1827 год / Н. М. Рожалин // Северная лира на 1827 год. - Москва: Наука, 1984. - 416 с.
- Русская поэзия XVIII века. Вступ. статья и составление Г. П. Макогоненко. - Москва: Изд-во Художественная литература, 1972. - 735 с.
- Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. / Ю. В. Стенник. - Санкт-Петербург: Наука, 1995. - 360 с.
- Тураев С. В. Лирика первой половины века. Гюнтер. Брокес. Гагедорн / С. В. Тураев // История всемирной литературы: В 9 т. Т.5. - Москва: Наука, 1988. - 784 с.

A. S. Pushkin about M. V. Lomonosov (Dedicated to the 300th Anniversary of Lomonosov's Birthday)

Summary

Detailed analysis and summarizing of all numerous A.S. Pushkin's remarks about M.V. Lomonosov allows noticing that Pushkin often compared 'the father of Russian poetry' with his predecessors and also with his contemporaries. Pushkin's comparisons of Lomonosov with Pindar, Petrarch, some German and Russian poets such as I.Günter, G.R.Derzhavin, V.K.Trediakovsky, A.P.Sumarokov are minutely considered in the article. And these comparisons and confrontations in many respects help to clarify Pushkin's point of view about Lomonosov.

The aims of the article embraced the registration (as full as possible) and analysis of Pushkin's remarks about Lomonosov with corresponding commentaries. But the problem of Pushkin's adoption of Lomonosov's poetic traditions and literary inheritance of the 18th century is the object of special research.

Keywords: *Pushkin, Lomonosov, Derzhavin, Trediakovsky, Sumarokov, remarks, comparisons, point of view, poet, scientist.*